

А КРОМЕ «ПЕНЕЛОПЫ»?

Случаются годы, как, скажем, последние два на Алтае, когда засуха буквально иссушала землю, когда сотни тысяч гектаров богатейшей алтайской пашни находились в критическом положении.

В Змеиногорском районе и в тех условиях земледельцы сумели вырвать хлеб у засухи, почти ни в чем не уступили тем большим, славным урожаям, которые были получены в более благоприятные годы. Легко ли это дается? В позапрошлом году скоропостижно скончался прославленный на всю страну председатель ордена Ленина колхоза «Россия», Герой Социалистического Труда Илья Яковлевич Шумаков. Жил я у него в колхозе в трудном году. По два-три часа иной раз приходилось спать председателю, по шестьсот километров в день наматывала его «Волга». В результате миллион пудов хлеба дала «Россия» Родине в год — самый высокий урожай за тридцать лет существования колхоза, за тридцать лет бессменного председательства самого Шумакова, бывшего фронтовика.

Отражает ли театр напряжение, драматизм, полноту выражения таких вот судеб? Вопрос далеко не праздный. Ярко означенная социальность характеров, их многоплановая связь со стремительным нашим временем, на мой взгляд, привлекает к ним современного зрителя.

Надо ли говорить, что в иных современных пьесах проблемы не столько исследуются, сколько «ставятся». В них отражается не сама жизнь, которая клокочет за стенами театра, а слабое, часто искусственное ее подобие.

Да и режиссеры на периферии частенько не идут дальше элементарного, на свой лад, разумеется, копирования столичных спектаклей. Но быть достойным учеником большого мастера — это значит пытаться подняться до

уровня его работ, идя своим путем.

Поэтому так важны для любого коллектива его творческое лицо, его гражданская позиция. Потому, очевидно, так весомо прозвучала «Соленая падь», поставленная по С. Залыгину в Томском драматическом театре. Она выявила жизнеспособность этого сибирского театра, его творческие возможности. Эта крупная работа, к слову сказать, сделанная на алтайском материале, подвижна, горяча, близка к публицистике.

И тут не может не возникнуть вопрос: почему за последние годы за рамками Алтайского театра драмы в Барнауле оказалась вся писательская организация края, включая и драматургов, и прозаиков с достаточно крупными именами, вся талантливая молодежь? Потому что театр привык ориентироваться на расхожий репертуар. Потому что слабы, мне думается, связи его с землей, на которой он работает. А ведь он один — Театр драмы — на весь этот огромный сельскохозяйственный регион. Оправдывать такое положение, к сожалению, научились, да и приспособились без особого труда: нет пьес «соответствующих», «интересных», «зрелых» и т. д.

Судите сами, три года назад проходил Всесоюзный конкурс на лучшую пьесу о современном селе. Но ни одна из победивших на конкурсе пьес не только не была поставлена, но даже не стала здесь предметом читки на коллективе или хотя бы какого бы то ни было официального обсуждения. И это в театре, представляющем крупнейший аграрный регион страны, не жалеющий, кстати говоря, средств для коллектива — у него есть прекрасное новое здание и все условия для работы. Нет только живого отклика на то, чем живет край. А пока его

нет, то и спектакли ставятся проходные, и тают, как дым.

Когда я был в Барнауле, там шли, помимо «Ретро» А. Галина, которым накануне заменили «Пенелопу» В. Константинова и Б. Рацера, «Моя профессия — синьор из общества» Д. Скарначчи и Р. Тарабузи и премьерный спектакль «Дон Сезар де Базан». Можно ли составить определенное мнение о лице театра по такому репертуару?

Не пора ли руководству театра задуматься над этим? Задуматься над тем, что хотели бы зрители видеть еще рядом с откровенно развлекательной «Пенелопой», а также с «синьорами из общества»?

Было бы несправедливо, говоря о театральном Барнауле, не упомянуть о других коллективах города. Ищут живой контакт со зрителями краевой Театр оперетты и Театр кукол.

Еще недавно неприметный, затерянный в одном из переулков Барнаула, живущий в трудных условиях коллектив Театра кукол работает с полной отдачей.

В Польше на Международном фестивале театров кукол спектакль барнаульцев «Двенадцать месяцев» по С. Маршаку был признан одним из лучших.

Мне довелось быть в этом театре и на одном из обсуждений. После спектакля — «Точка зрения» по В. Шукшину — в зале остались студенты Алтайского университета. Живой непосредственный разговор о жизни, который состоялся тогда, свидетельствовал о том, что театр обрел у зрителей авторитет.

Именно разговора о жизни как раз и недостает многим спектаклям барнаульской драмы.

Андрей
КРШИЖАНОВСКИЙ.
БАРНАУЛ.

Соб. культура, 1983, 25 июня